

Виктор Окороков

**СМЕХ И МЕТАФОРА
(ЛОГИКА ТРАНСЛЯЦИИ СМЫСЛОВ)**

История и культура полны смыслов – такое загадочное открытие сделали философы XX в. Важнейшим полем битвы на полях постклассической культуры, которая демаркировала метафизику и природу, становятся текст и язык. Так, где раньше мыслители видели лишь вещи (сквозь сознание, тождественное миру), теперь проявляются смысл и значение. Позитивизм, вскрывший смысл научных притязаний человека, опирающегося на науку, указал и источник (поле деятельности) науки – информационное пространство (или поле смыслов). Мир, по точной «наводке» Л. Витгенштейна, превратился сначала в систему фактов в логическом пространстве, а затем и в игру смыслов (языковые игры) [1, с. 1].

Такая тенденция в расхождении интерпретации смыслов классической и неклассической культурами укоренялась в теле европейской мысли весьма болезненно. Э. Гуссерль, один из первых в европейской культуре осознавший важность происходящих перемен, утверждал, что кризис европейского человечества вызван вовсе не самой наукой (кризисом науки), а тем значением, которое европейская наука имела для культуры (нужно понимать, для европейского сознания). Гуссерль попытался переосмыслить сущность фундаментальных опор научного (и в этом смысле всего новоевропейского) мышления. В поисках строгого фундамента «наук о духе» он указал на «единственный денотат» всякого сознания – сущность (и скрывающийся за нею предмет и смысл). Интенциональность – вовсе не случайное образование в поле сознания, она, скорее, явилась закономерным итогом нового видения пространства смыслов. М. Хайдеггер, увидевший проблему смысла в иной – экзистенциальной – плоскости, показал, что вопрос о мире есть вопрос о бытии мира. Таким образом, мир, бывший на протяжении классической истории верным ориентиром всякого мышления, отошел в неклассической философии на второй план. Мысль о науке вытеснила мысль о мире; логика смысла заслонила собой все остальные сферы адресации мышления. Проблема существования

возможных миров, индуцированных полем смыслов, превратила сознание в поле деятельности по созданию различных языков (прежде всего, согласно А. Тарскому, метаязыков), конституирующих тот или иной (возможный) мир. Симулякры мира превратились в сферы деятельности реального сознания. Погоня за смыслом обернулась иллюзией понимания смысла бытия мира. Конституируя онтологии смыслов, философия как строгая наука утратила сам смысл. Точнее говоря, там, где раньше был ясный и очевидный мир реальности, теперь оказался симулякр и виртуальный хаос смыслов. Видимо, настало время реализовать программу И. Пригожина и в области смыслообразований, родить «порядок их хаоса» в «науках о духе». Смысл должен порождать смысл, а не хаос. И если мы произведем лишь «виртуальный шум» (хаос смыслов), значит какие-то из наших посылок не верны, значит нужно пересмотреть саму постановку проблемы метафизического вопрошания о мире, из хаоса создать мир.

Из сказанного возникает естественная проблема о природе и логике смысла, которая навязала нескольким поколениям философов двадцатого столетия «правила для руководства ума». Где и на какой стадии закономерный вопрос о смысле был подменен проблемой первичности языковых, онтологических и гносеологических посылок? И почему простая на первый взгляд проблема (смысла) порождает множество фундаментальных иллюзий бытия человека? В данной статье мы частично затронем эту проблему, попытаемся взглянуть на ее решение в узком спектре возможных значений. Видимо, достаточно интересным взглянуть на указанную проблему с точки зрения формирования крайних (предельных) смыслов, вызывающих, такие проявления «смыслопорождающих ситуаций бытия сознания», как рождение смехового пространства и метафоры, которые во многом схожи и являются частными (хотя и крайними) случаями рождения смыслов в сознании.

И поскольку нас интересует частный аспект общей проблемы «логики смысла», то мы лишь очень отдаленно будем соприкасаться с идеями, разработанными в известном произведении Ж. Делеза под тем же названием [2]. Скорее, в зону нашего внимания попадает другая, позже написанная в соавторстве

с Ф. Гваттари книга Ж. Делеза «Капитализм и шизофрения». В этой книге французские авторы показывают, что существует принципиальное различие шизоаналитического (сплошь заполненного «машинами желаний») и психоаналитического бессознательных: психоанализ оказался «глухим к голосу безумия» [3, с. 295]. Таким образом, если логика психоанализа была направлена на анализ патологического поведения, обусловленного различными комплексами (ей не было дела до смыслов, ее задача заключалась лишь в возможном исправлении патологии нарушения смысла, вызванного болезнью), то шизоанализ направлен, скорее, на тот частный синдром бессознательного, который приводит к рождению гениев и к возможности порождения крайних смыслов (то есть в поле его анализа попадает конституирование под воздействием желаний предельных смыслов культуры). Шизоанализ – наука, объясняющая предельные эффекты бытия сознания, а шизофреник – это «машина», порождающая предельные смыслы, которая наделена рядом свойств: рассогласованностью логического и синтетического начал в мышлении; антагонистическим синдромом, выраженным атактическим (разорванным), по И. Ф. Случевскому, мышлением; неспособностью больного соизмерить свою точку зрения с противоположной, а также с конкретным действием («умею мыслить, но не умею действовать») [3, с. 322]. Способность к синтезу в акте творчества – тот предел, за который не может переступить больной шизофренией; по Э. Блейлеру, введшему этот термин, шизофрения означает расщепление, раскол личности; по К. Ясперсу, шизофрения предполагает особый способ отношения к миру, который можно постичь только с помощью аппарата феноменологического анализа. Мир шизофренического переживания оказывался схожим с миром хайдеггеровского Dasein [3, с. 324]. Это и привело к возникновению Dasein-анализа и Dasein-терапии (Л. Бинсвангер). Иными словами, шизофрения – не только болезнь патологического сознания, но и игра смыслами возбужденного (глубоко переживающего) сознания. И если психоаналитический больной подвержен воздействию внутренних энергетических процессов, детерминирующих логику сознания, то шизоаналитические отклонения обусловлены разорванностью мышления. Именно анализ Dasein привел к представлению о

складках сознания, закреплённому в структуралистских генеалогиях и деконструктивистских шизомашинах.

Шизоанализ показал, что «разорванное» сознание порождает техники предельного конструирования смыслов. Парадоксальность этого явления состоит в том, что атактическое (разорванное) мышление при шизофрении нельзя отождествить с бидоминирующим, амбивалентным сознанием, свойственным европейскому человеку [3, с. 322]. Феномен диалогического (или полилогического) мышления является стержнем «нормальной» амбивалентной личности, поскольку, как говорил М. Бахтин, «все сводится к диалогу... Один голос ничего не решает. Два голоса минимум жизни, минимум бытия» [4, с. 434]. Сознание рождается в расхождении смыслов, и оно исчезает за границей нормальности при значительном и устойчивом «расхождении» смыслов. Нормальный человек воспринимает расхождение смыслов как неестественную ситуацию. Одной из реакций на такую неестественность и является смех.

Причина различия шизоаналитического сознания, творящего крайние смыслы, и сознания, попавшего в зону «смеховой ситуации», состоит в первичных установках сознания. Шизофрении не свойственен смех, так как сознание, отягощённое этим синдромом, уже изначально детерминировано расхождением смыслов; наоборот, обычное сознание попадает в область «смеховой ситуации» вследствие резкого расхождения привычного и навязанного извне (парадоксального или предельного) смысла. Смех – признак здорового сознания, попавшего в зону значительного смещения смысла. Шизофрения – зона напряжённого сознания, изначально генерирующего устойчивое смещение смысла (вызванного, в частности, устойчивым желанием).

Тем не менее, если задуматься о схожести реакции сознания в «смеховой ситуации» и при шизофренической болезни, закрадывается подозрение: не является ли и сам смех одной из разновидностей шизоаналитического синдрома (например, неустойчивой быстро исчезающей его разновидностью, быстро сменяющейся здоровой естественной реакцией). Тогда смех можно воспринимать как мгновенное (точнее кратковременное) попадание сознания в зону шизоаналитического напряжения.

Но если многослойность, поливалентность (амбивалентность, по М. Бахтину) сознания есть признак развитой (европейской) культуры, то шизоаналитический синдром, в котором ярко выражена определенная линия поведения (складка мышления) и есть крайняя граница проявления индивидуальности (тот разрыв, который уже генерирует индивидуальную, а не социальную технику бытия). Смех как одна из реакций на значительные смещения смысла амбивалентного мышления, собственно, характеризует высокоразвитое сознание, его способность обладать спектром различных способов бытия мышления. Смех всегда является следствием смещения отдаленных слоев сознания. Мы смеемся над значительным расхождением смыслов или «текстов». Смех как проявление многослойного мышления и есть следствие интертекстуальности, заложенной в пространстве культуры. Шизофрения – скатывание в зону бинарного (но разорванного) мышления, которое не улавливает отчетливо ни одну из противоположностей. В этом сходство и различие смеховой и шизоаналитической ситуаций. В первом случае сознание реагирует на значительное расхождение смыслов, отчетливо осознавая это расхождение, во второй, наоборот, – изначально присутствует значительное расхождение смыслов, но отсутствует понимание этого расхождения. Разрыв шизоаналитического сознания порождает спектр побочных смыслов, который и детерминирует поведение шизофреника. Иными словами, смеховая и шизофреническая ситуации действительно очень похожи, различие состоит лишь в одном: снаружи или внутри этой ситуации находится само сознание. Часто «шизопроявления» (своей неестественностью) вызывают смех, так как воспринимающее их здоровое сознание находится по другую сторону границы напряжения (разрыва) смыслов, – это «смех сквозь слезы». Шизофреническое сознание, детерминированное изначально заложенной работой над определенными смыслами (текстами), находится вне ситуации понимания своей неестественности. Шизоаналитический синдром поляризует сознание, по существу, создает устойчивую ось его симметрии. А ведь такого рода симметрия в современной физике характеризует степень свободы. Мы смеемся над проявлением шизоаналитического синдрома, который сам по себе является для

больного сознания естественным проявлением свободы поведения.

В то же время парадокс исследуемой темы проявляется и в том, что все те функции, которые мы анализировали в смеховой и шизоаналитической ситуациях, являются присущими и любому понятию как таковому. Не будет преувеличением сказать, что любое понятие (как признак амбивалентного или поливалентного мышления) и само амбивалентно (поливалентно). Более того, оно несет в себе и все признаки шизоаналитического синдрома – крайнее смешение противоположных смыслов. Это то свойство, которое в истории философии трактуется в различных вариантах диалектикой, полифонией смыслов, а в своем метафизическом смысле логоцентризмом, то свойство текстов, которое анализировалось в своем естественном виде деконструктивистами и которое в таком ракурсе вызвало так много споров и обвинений в «инфантилизме».

И в той же самой плоскости, в которой разворачивается смещение смыслов в смеховой или шизоаналитической ситуациях, раскрывается эффект рождения метафоры, – все эти ситуации связаны с крайним проявлением смыслопорождающих явлений сознания. Таким образом, хотим мы того или не хотим, уже сам текст культуры несет в себе все проявления метафорики, шизоанализа и смеха. Понятие и есть признак амбивалентности культуры, оно несет в себе ее основное свойство – единство противоположностей (на этом основана самотождественность истин и понятий, – тот признак, который, по мнению деконструктивистов, порождает метафизическую культуру и должен быть уничтожен). В этом же аспекте любое понятие несет в себе все признаки крайностей культуры и метафизического мышления, начиная с дуальности, полифонии и логоцентризма многослойных конструкций и кончая шизофреническим синдромом и складками. Понятие и есть то сложное «тело» культуры, которое в зависимости от спектра (сочетания) клавиш-смыслов проявляется в том или ином значении. Смех – одно из крайних его проявлений, вызванных значительным смещением (или смешением) привычных (принятых в культуре) смыслов.

И шизоэффект прочно укоренился в различных пластах европейского самосознания, причем выйти за его пределы оказывается чрезвычайно трудно [3, с. 326–327]. И смех, с точки

зрения шизоанализа, по сути, попадает в тот же класс проявлений сознания, что и шизофрения, – класс гротескных игр амбивалентного мышления. Смейся мы лишь тогда, когда смысл вывернут (смещен) в полярно противоположную для привычного сознания область значений. Однако шизофрения является синдромом индивидуального сознания, то есть проявляется при устойчивом раздвоении сознания в себе (является предельным надломом индивидуального сознания), тогда как смех проявляется в ситуации раздвоенности сознания как культуры в целом (раздвоенности культуры, языка, текста), то есть раскрывается как явление раздробленности, а точнее квантованности культуры, в которой сокрыт потенциал расхождения смыслов минимум двух различных сознаний (текстов, культур, языков и т. д.). Следовательно, смех, как и текст, всегда intersubjectивен и проявляется только в поле коммуникативной свободы. Одинокое сознание не может улыбаться. Да и культура в целом не может быть построена в рамках одного сознания, ибо ее фундаментальным свойством является амбивалентность.

В силу того что проблема смысла и понимания является ключевой для XX в., большинство крупнейших мыслителей этого периода начинали свой путь с исследования психопатологии (К. Ясперс, М. Хайдеггер, К. Юнг, Э. Фромм, М. Фуко, Ж. Делез и др.). Основной симптом эпохи – тот же, что и в шизоанализе, – болезнь разорванного сознания. Психописьмо (вариантом и одновременно преемником которого является шизописьмо) часто служит модулятором глубины художественного текста. Шизоаналитическое письмо вводит нас в поле притяжения амбивалентного сознания, как архетипического свойства культуры [3, с. 325]. Современное письмо отражает сущность разорванной эпохи, когда по трудно объяснимому закону «распадается связь времен». Смех шизоаналитической культуры – это смех над собой, так как она, разорванная по всем признакам локального шизоаналитического синдрома, – пытается переосмыслить глубинные процессы происходящего – устранить разрыв смыслов, что уже само по себе, скорее, признак здорового сознания. Следовательно, деконструктивизм – это болезнь культуры, которая стремится выяснить, как можно путем радикальной перестройки самого мышления устранить гигантское смещение смыслов и

ввести гениальность в поле здорового, хотя и напряженного сознания, которое скорее смеется, нежели проявлять синдромы атактичности. Однако «пересмотр жизненных ориентаций и уход в зону одной из полярностей всегда грозит вылиться в жест шизофренического философствования. Абсолютный авторитаризм – один из вариантов такого ухода» (спасения культуры) [3, с. 327]. Гении политики, так же как писатели и художники, очень часто несли на себе бремя нестабильности (разорванности) культуры, которая, как и напряженное амбивалентное сознание, может иметь разрывы и складки.

И деконструктивизм начал свои исследования с явлений философии и литературы, характеризующихся признаками нестабильности (даже разорванности) культуры и сознания. Ж.–Ж. Руссо, анализируемый в «грамматологии» Ж. Деррида, отразил в своих работах все предельные признаки нарушения свободы техногенной цивилизации (как следствие первичный еще оценочный «шизоанализ» разорванной цивилизацией культуры»). Л. Кэрролл, идеи которого явились основой «Логики смысла» Ж. Делеза, разработал образ шизоаналитического сознания еще в XIX в. По оценке авторов книги «Перспективы метафизики...», в неклассической культуре «произошел не просто слом письма (выражением которого стал, например, жгучий интерес к проблеме телесности...)» (и которое явилось основой грамматологического анализа), «но и слом псевдоэтических установок, в которых соседствуют постмодернизм и православие, Ницше и Ленин, Хейзинга и неосталинизм» [3, с. 328], что и явилось самым верным признаком шизоаналитических эффектов культуры.

Ж. Делез, продолжая тему К. Юнга, назвал художников «клиницистами цивилизации», оценка симптомов болезни которой вполне может быть совершена в тексте произведения искусства. Главное – это умение найти различие между смещениями смыслов, скрытых за поверхностным сходством [3, с. 328]. В работах деконструктивистов выясняется основное свойство разорванных культур и шизоаналитического сознания – работа на поверхности и игнорирование метафизической глубины. Именно здесь – на поверхности мышления – рождаются метафора, шизоаналитические отклонения и смех, здесь рождаются границы понятия.

В своем первом деконструктивном анализе тела неклассической культуры (в «Логике смысла») Ж. Делез, исследуя феномен движения «логики смыслов» по поверхности сознания девочки Алисы и рассматривая закономерности ее мышления, выводит закономерности шизоаналитического сознания. Произведение «Капитализм и шизофрения» появилось спустя два года. С точки зрения Арто, Кэрролл решает вопрос о специфике «странностей» приключений Алисы, как извращенец, который все сводит к созданию поверхностного языка [3, с. 328]. И тогда смех, вызванный «блужданием Алисы по полям гротескных и предельных смыслов» (смех над текстом Кэрролла), есть смех, навеянный различием глубинного (нормального) и поверхностного (атипического) языка (и сознания). Именно так (как и Алиса) должен поступать ребенок, у которого отношение к понятиям производится по схеме, согласно которой мышление движется по поверхности предметов (не затрагивая их глубину). Когда исчезает измерение глубины смысла понятий, культура сознания (ребенка, шизофреника или поэта) развивается по поверхности, и здесь, как показывает Ж. Делез, движение осуществляется по своим особым законам. «Превращение культуры в текст – самое значительное событие, происходящее в ситуации постмодерна... Текстом и письмом замещается онтологическая данность культуры, в том числе и культуры телесного» [3, с. 338]. Рождение читателя в такой культуре, по мнению Р. Барта, сопровождается смертью автора. Мы, считает Ж. Лакан, имеем дело с определенным (постструктуралистским) видением мира текста, в которой реальность подменена зеркальной поверхностью зеркала [3, с. 338]. Европейская культура устала от своей несерьезности, хотя в своих предельных философских экскурсах пока не может обойтись без Другого, без лица (или лика), точнее, без «зеркального отражения» мысли (маска гносеологической поверхности на время заслонила онтологическую глубину).

Именно поэтому классический и неклассический пути развития культуры (и философии) столь радикально отличаются: классический – метафизический – путь глубины (и поэтому достаточного основания); неклассический – шизоаналитический (модерный и постмодерный) – путь поверхности (и потому здесь присутствуют всевозможные постлогические и

постматематические эффекты). Когда нет глубины, внешняя видимость скрывает внутренние закономерности, и на поверхности различаются лишь разрывы, складки и другие поверхностные эффекты.

Тем не менее Делез понимал, что чистый шизоанализ не является полным преодолением классической традиции. Поэтому в более поздних произведениях он вернулся к М. Фуко и, отталкиваясь от наиболее простых поверхностных (бинарных) свойств мышления, попытался построить систему ускользающих за горизонт поверхности смыслов, что возможно лишь посредством введения более сложных топологических конструкций. Любое осмысление бесконечного мира конечным субъектом всегда оказывается контекстом, взаимодействием, выходом за границу в некий осязаемый контекст, который определяет и задает смысл. И смех, как попытка осмысления ситуации (расхождения смыслов) есть всегда выход за ее границу, попытка заменить «разорванность» (поверхность) смысла (или текста) как поверхностной ситуации глубиной понимания этого расхождения. Смех над культурой – это взгляд на ее «поверхностные явления» со стороны (таковы «Женитьба Фигаро», «Гаргантюа и Пантагрюэль» или «Дон Кихот»). И совершенно иной смех вызывают «Алиса в стране чудес» или «Винни-пух» (здесь скорее смех над гротескностью, нереальностью, поверхностностью поведения сознания). Это даже и не смех в своем чистом виде, а наше ощущение «поверхности» (или бытия) возможного странного сознания, которое, как показывает Делез, построено по типу «шизоаналитической машины желаний». Иными словами, это уже принципиально иной образ культуры – современный, который вызывает другое отношение. Странность этой ситуации состоит в том, что подлинную сущность нового «смехового пространства» открыли, по существу, математики и логики. И «Алиса...», и «Винни-пух», и другие произведения, приведшие к открытию шизоанализа в постмодернистской культуре, написаны по типу логических и математических игр «на поверхности сознания». Это тот тип мышления, свойственный современной культуре, согласно которому в оscarовском фильме «Игры разума» утверждается, что математики выиграли войну. И поскольку поверхность скрадывает

объем, игнорируя глубину, ее бесконечные ускользающие смыслы задают тип гения, свертывающего культуру в единую систему (по типу соскальзывающего складывания бесконечности в замкнутую поверхность). Все важнейшие математические и естественнонаучные формулы XIX – XX вв. построены по такому типу. Общая теория относительности Эйнштейна – это наглядное проявление «поверхностного мышления» (не в смысле унижения, а в смысле психоанализа).

В основе появления «смехового пространства» «Винни-пуха» лежит мифологизированное представление о Вечном древе жизни. Мы смеемся в целом над мифологемой героев этого произведения, помещенных в мифологический космос мышления. Действия героев «Винни-пуха» потому и смешны, что они наделяют привычные и обыденные для каждого человека действия (в привычном лесу) «героикой мифа» и важностью космологического порядка. Дерево, нора, вода, ветер символизируют здесь вселенское пространство, что изначально порождает значительное расхождение смыслов.

И «Винни-пух» написан в аналитической традиции (по законам логики). Даже начало произведения несет в себе элемент смещения понятий: с высвобождения имени «пух» из тела лебедя и внедрении его в тело медведя (игра слов типа «легкий медведь»). И «Винни-пух», и «Алиса...» показывают, как можно по принципам логического развития событий, логизации «виртуальных миров и пространств» построить произведения, вызывающие весь диапазон смеховой гаммы, произведения, в котором обыденный язык тесно переплетается с нестандартной (поверхностной) логикой героев. Смех здесь появляется вследствие значительного расхождения смыслов реального (как нужно поступать в действительности) и виртуального (построенного по логике нарушения смысла) миров; точнее, вследствие значительного расхождения смыслов в реальном (для социального общества) событии и в той ситуации, когда герои находятся в «виртуальном» (вымышленном), но верном, с точки зрения законов математики и логики, мире.

Деконструктивизм, в духе идей которого, по сути, написаны «Алиса...» и «Винни-пух», как раз и анализирует ситуацию постлогического (металогического) сознания, в которой мышление разрывает постметафизические конструкции: на место

инвариантных относительно каких бы то ни было исторических изменений классических истин и метафизических оснований в постмодерной ситуации приходят логические (и математические) способы трансляции и трансформации подвижных форм мышления, единственными устойчивыми образованиями которых являются складки и законы «логики и математики». Поэтому Делез в «Логике смысла» вводит понятие «серии смыслов», которая в реальной реализации текста (например, в «Алисе...») вызывает смех. Логичное «нарушение смысла» вызывает смех. В целом такие «серии» задают пространство смыслов (поверхность), которое концептуализирует «новую реальность» («реальность текста») – текста для логически ориентированного сознания. Пока текст автора лежит в плоскости наших реальных (пусть и необычных) представлений об устройстве мира, он не вызывает смеховой ситуации (так как в ней нет расхождения смыслов); смех появляется в результате смешения (или смещения) смыслов воображаемого (лого-математического) и реального миров.

Те же эффекты проявляются при образовании метафоры, которая работает на уровне категориального сдвига. Классическая метафора – это вторжение синтеза в зону анализа, представления (образа) в зону понятия, воображения в зону интеллекта, единичного в зону общего, индивидуальности в зону классов [5, с. 17 – 19]. Закрепленный в языке, смысловой сдвиг понятия или утверждения приводит к метафоре. И разве не то же самое мы можем сказать о «смеховой ситуации». Но если метафора порождается преимущественно смысловым сдвигом понятия, то смех порождается смысловым сдвигом текста, в результате которого сознание попадает в область раздвоения смысла. Смех и есть реакция здорового сознания на раздвоенность смысла. Смеховая ситуация, в отличие от метафорической, построена по принципу незначительного (нефатального) сдвига смысла, который вызывает стремление к коррекции, что и проявляется в улыбке. Но эта ситуация вовсе не связана со складкой мышления. Складка вызывается фундаментальным сдвигом бытия сознания, вносящим фундаментальную коррекцию в саму ситуацию бытия. Смеховая ситуация – лишь временная корректировка бытия сознания, вызванная смещением смысла. Метафора связана со столь значительным сдвигом смысла, что смех уже застывает при

рождении, отходит на второй план или вообще не наступает в торможении перед пропастью раскрывшегося расхождения смыслов. Тут, мы, скорее, находимся в ситуации нового смыслообразования, которая может привести к коренной трансформации смысла понятия (превращения его в метафору). Именно такие значительные изменения смыслов, закрепленные в традиции, приводят в целом к трансляции культуры (сдвиг культуры в целом возникает при значительном смысловом сдвиге фундаментальных понятий, категорий и метафор). Это соответственно вызывает значительную перестройку сознания. И в зависимости от «мощности» сдвига смысла, мы получаем различные варианты трансформации сознания и его регионов: от смеховой ситуации до образования складок и трансляции метафизики и культуры в целом. Смещение смысла понятия, закрепленное в культуре, приводит к эффекту самоидентификации понятий и истин. Как писал У. Куайн, «нет ничего более фундаментального для мышления и языка, чем наше ощущение подобия» [5, с. 17]. Именно самоидентификация понятий, истин и категорий, которая ассоциируется с инвариантностью их смысла в традиции и культуре, является фундаментальным свойством классического мышления (метафизики и философии). Эта свойство, формирующее устойчивость культуры и традиции, позволило деконструктивистам ассоциировать культуру с текстом (или с системой встраивания одного текста в другой). Нарушение этого свойства может вызвать фундаментальные для культуры последствия, что мы и наблюдаем в постмодерной культуре.

Но именно там, где царит тождество смыслов и нет расхождения текста и контекста, нет и не может быть смехового пространства, нет порождения метафор и новых смыслов, нет метафизики и в целом культуры. Культура абсолютных текстов останавливается и умирает. Таким образом, только в той ситуации бытия культуры, в которой естество самоидентификации истин сочетается с игрой смыслов, порождающих смех и новые формообразования, возникают условия становления культуры. Культура живет не только по законам тождества, но по законам различия. Деконструктивизм в гротескной и потому вызывающей неприятие многих ведущих мыслителей форме попытался отразить хорошо известное, но не используемое классикой свойство

культуры: без различения нет истории. В этом смысле они лишь продолжают традицию Гегеля, творчество которого вовсе не вызывает смех, ибо все трансляции смыслов в его системе запротокколированы точным движением мирового духа. Гегелю не было дела до смысла, его интересовали трансляции духа и сознания.

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы: В 2 ч. – М.: Гнозис, 1994. Ч.1. – С. 1-75.
2. Делез Ж. Логика смысла // Делез Ж. Логика смысла. Фуко М. *Theatrum philosophicum*. М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – С. 10-329.
3. Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков / Под ред. Г. Л. Тульчинского, М. С. Уварова. – СПб.: Алетей, 2000. – 415 с.
4. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1979.
5. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / Вступ. статья и составл. Н. Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – С. 8–32.